

нему; но послѣдній, при болѣшемъ безстрастіи, заключаетъ въ себѣ болѣе презрѣніе и полнѣйшее отрицаніе всего народнаго.

Русское образованное общество отстало отъ всякаго преданія, отъ всякаго живого обычая.

I, 164. Обычай весь состоитъ изъ бытовыхъ мелочей; но кто же изъ насъ не признается, что обычай не существуетъ для насъ, и что нашъ вѣчно измѣняющійся бытъ даже неспособенъ обратиться въ обычай? Прошедшаго для насъ нѣтъ, вчерашній день—старина, а не-давнее время пудры, шитыхъ камзоловъ и фижмъ—едвали уже не Египетская древность. Рѣдная семья знаетъ что-нибудь про своего пра-прадѣда, кромѣ того, что онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ дикаря въ гла-захъ своихъ образованныхъ правнуковъ. Знали-ли бы что-нибудь Шереметевы про уваженіе народа къ Шереметеву, современнику Гроз-наго, или Карамышевы про подвиги своего предка, если бы не по-трудилась народная пѣснь сохранить память объ нихъ, прибавивъ, разумѣется, и небывалыя дѣла? У насъ есть юноши, недавно вышед-шіе изъ школы, потомъ юноши, трудящіеся въ жизни, болѣе или ме-нѣе, по своему школьному направленію или по наитію современныхъ мыслей, потомъ есть юноши сѣдые, потомъ юноши дряхлые, а стар-цевъ у насъ нѣтъ. Старчество предполагаетъ преданіе, не преданіе разсказа, а преданіе обычая. Мы всегда новенькіе съ иголки; ста-рина у народа. Это должно бы намъ внушить уваженіе; но у насъ не только нѣтъ обычая, не только нѣтъ быта, могущаго перейти въ обычай, но нѣтъ и уваженія къ нему. Всякая наша личная прихоть, а еще болѣе всякая полудѣтская мечта о какомъ-нибудь улучшеніи, выдуманная нашимъ мелкимъ разсудкомъ, даютъ намъ право отстра-нить или нарушить всякій обычай народный, какой бы онъ ни былъ общій, какой бы онъ ни былъ древній.

X.

ЗАДАЧИ ПРОСВѢЩЕННЫХЪ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ И БУДУЩЕЕ РОССИИ.

Возвратъ къ началамъ Русской народной жизни.—Возрожденіе Русскаго просвѣщенія.—Словесность, пластика, музыка. — Археологія. — Общественное воспитаніе.— Надежда на будущее.

Оглянемся же на самихъ себя.

I. 86. Вопросъ въ томъ, будемъ-ли мы, въ то время, когда жиз-ненное начало Руси будетъ крѣпнуть и процвѣтать, только сухимъ и бесплоднымъ хворостомъ, мѣшающимъ новому прозябанію?

Это сомнѣніе въ самихъ себѣ, это тайное чувство своей мерт-венности давно уже высказывалось во многихъ и лучшихъ представи-

теляхъ нашего просвѣщенія. Скорбя о себѣ и о всемъ, что ихъ окружало въ обществѣ, они часто оглядывались съ утѣшительною, но неясною надеждою на ту великую Русь, отъ которой они чувствовали себя оторванными. Я могъ бы это показать въ послѣднихъ твореніяхъ Пушкина; но ни въ комъ болѣзненное сознание своего одиночества и своего безсилія не высказалось такъ ясно, какъ въ Лермонтовѣ, къ несчастію, или не дожившемъ до сознанія, что безжизненность есть принадлежность общества, а не Русской земли, или отвергавшемъ сознаніе по личной гордости, свойственной его молодости и обществу, окружавшему его.

I, 91. Жизненное начало утрачено нами, но оно утрачено только нами, принявшими ложное полужнание по ложнымъ путямъ. Это жизненное начало существуетъ еще цѣло, крѣпко и неприкосновенно въ нашей великой Руси (т. е. Великой, Малой и Бѣлой), не смотря на наши долги заблужденія и на наши, къ счастью, бесполезныя усилія привить свою мертвенность къ ея живому тѣлу. То, что было, поросло быльемъ, и если бы намъ приходилось отыскать свою жизнь въ прошедшемъ, конечно мы бы ея никогда не отыскали и не возсоздали; ибо созданіе или возсозданіе жизни ничтожными силами одиночныхъ разсудковъ было бы явленіемъ противнымъ всемъ законамъ духовнаго міра. Этому могли вѣрить нѣсколько дѣтей-студентовъ въ Германіи и нѣсколько дѣтей-стариковъ во Франціи, да могутъ въ иномъ видѣ вѣрить нѣсколько дѣтей-соціалистовъ всякаго возраста по всей Европѣ; но не повѣритъ никто, кто сколько-нибудь изучилъ исторію человѣчества, или не утратилъ въ душѣ свей хотя темное чутье человѣческихъ истинъ. Жизнь наша цѣла и крѣпка. Она сохранена, какъ неприкосновенный залогъ, тою многострадавшею Русью, которая не приняла еще въ себя нашего скуднаго полупросвѣщенія. Эту жизнь мы можемъ возстановить въ себѣ: стѣить только ее полюбить искреннею любовію. Разумъ и наука приводятъ насъ къ ясному сознанію необходимости этого внутренняго преобразованія, но я не считаю его единымъ легкимъ ни для каждаго изъ насъ, ни для всѣхъ. Гордые привычки нашей разсыпной, единичной жизни держать каждаго изъ насъ въ своихъ оковахъ. Нравственное обновленіе—нелегкое дѣло. Конечно, каждый не только согласенъ полюбить тѣ свѣтлыя жизненныя стихіи, которыя сохранились на Руси, и ту Русь, которая ихъ сохранила, но даже готовъ думать и увѣрять, что онъ любитъ ихъ всею душою. Можетъ быть даже, эта любовь дѣйствительно существуетъ въ насъ; но она существуетъ, какъ любовь къ Неграмъ, къ Готтентотамъ и Индѣйцамъ существуетъ въ добромъ Англичанинѣ, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ и съ надеждою

на роль, если не настоящихъ, то будущихъ благодѣтелей. Такая любовь ничтожна, скажу болѣе, она отчасти пагубна. Отъ этого самообольщенія трудно, но необходимо должно отказаться; ибо не мы приносимъ высшее Русской землѣ, но высшее должны отъ нея принять.

Мы приносимъ только кое-какія знанія, легко пріобрѣтаемыя личнымъ трудомъ каждаго не совсѣмъ тупоумнаго человѣка; принять же должны жизненную силу, плодъ вѣковъ исторіи и цѣльности народнаго духа. Таковъ голосъ добросовѣстнаго анализа. Поэтому, чтобы любовь была истинною, она должна быть смиренною. Точно также какъ въ наукѣ человѣкъ поступаетъ сперва въ нижніе разряды учениковъ и подвигается мало по малу впередъ, все болѣе и болѣе отстраняя отъ себя прихоти своего личнаго произвола и подчиняясь общимъ законамъ человѣческаго разума: такъ и человѣку, желающему усвоить себѣ или развить въ себѣ скрытую жизненную силу, должно принести въ жертву самолюбіе своей личности для того, чтобы проникнуть въ тайну жизни общей и соединиться съ нею живымъ органическимъ соединеніемъ. Это дѣло не мгновенія и не дня, а цѣлаго существованія; ибо, какъ великій Шиллеръ сказалъ въ другомъ смыслѣ, «жизнь покупается только жизнію»:

Denn setzt Ihr nicht das Leben ein,
Nie wird Euch das Leben gewonnen sein.

Нашъ возвратъ къ этой утраченной жизни нелегокъ.

Мы оторвались отъ нея сначала отчасти безсознательно, отчасти поневолѣ; мы измѣнили себѣ, измѣняя ей; потомъ замкнулись въ гордости своего мелкаго знанія, какъ колонія Европейскихъ эклектиковъ, брошенная въ страну дикарей; потомъ, какъ всякая Европейская колонія во всѣхъ частяхъ свѣта, мы приняли на себя характеръ завоевательный, конечно съ самыми благодѣтельными намѣреніями, но безъ возможности исполнить ихъ, безъ сознанія ясной цѣли, къ которой стремились, и безъ того превосходства духа, который, по крайней мѣрѣ, часто служить нѣкоторымъ оправданіемъ завоеванію. Слѣдствіемъ этихъ отношеній были, какъ я сказалъ, борьба и полускрытая вражда: съ одной стороны подозрѣніе, слишкомъ оправданное; съ другой ничѣмъ неоправданное презрѣніе. Эти чувства могутъ исчезнуть только при нравственномъ измѣненіи въ насъ самихъ. Жизнь, нами долго оскорбляемая, нелегко и нескоро можетъ свыкнуться съ нами. Обмануть ее мнимымъ примиреніемъ невозможно, потому что она не имѣетъ и не можетъ имѣть личныхъ представителей; да и во всякомъ случаѣ цѣль не могла бы быть достигнута обманомъ. Дѣло наше—возрожденіе жизненныхъ началъ въ самихъ себѣ; слѣдовательно оно

можетъ быть исполнено только искреннею переменною нашего внутренняго существованія.

I, 98. Общеніе заключается не въ простомъ размѣнѣ понятій, не въ холодномъ и не въ эгоистическомъ размѣнѣ услугъ, не въ сухомъ уваженіи къ чужому праву, всегда оговаривающемъ уваженіе къ своимъ собственнымъ правамъ, но въ живомъ размѣнѣ не понятій однихъ, но чувствъ, въ общеніи воли, въ раздѣленіи не только горя (ибо состраданіе—чувство слишкомъ обыкновенное), но и радости жизненной. Только такого рода общеніе можетъ возратить насъ къ началамъ жизни, нами утраченной, и привести насъ изъ состоянія безнародной отвлеченности и мертвой самодовольной разсудочности къ полному участию въ особенностяхъ, характерѣ и физіономіи народа. Наши школьническія полузнанія развились бы до науки и развили бы науку, внеся въ нее великія и до сихъ поръ ей чуждыя начала, отличающія насъ отъ Западнаго міра съ его Латино-протестантскою односторонностію, съ его историческимъ раздвоеніемъ. Въ нашемъ бытѣ отозвалось бы то единство, которое лежало искони въ понятіи Славянской общины и которое заключается не въ идеѣ дружинаго договора Германскаго или формальнаго права Римскаго (т. е. правды вѣшной), но въ понятіи естественнаго и нравственнаго братства и внутренней правды.

I, 99. Для того, чтобы оживились наука, бытъ и художество, чтобы изъ соединенія знанія и жизни возникло просвѣщеніе, мы должны слиться съ жизнію Русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и, такъ сказать, обряднымъ единствомъ, какъ средствомъ къ достиженію единства истиннаго, и еще болѣе, какъ видимымъ его образомъ.

I, 100. Тонкія, невидимыя струны, связывающія душу Русскаго человѣка съ его землею и народомъ, не подлежатъ разсудочному анализу. Можетъ быть, нельзя доказать, чтобы Русская пѣсня была лучше Итальянской баркаролы или тарантеллы, но она иначе отзывается въ Русскомъ ухѣ, глубже потрясаетъ Русское сердце. Точно также для Русскаго глаза особенно пріятны образы, окружавшіе его дѣтство и встрѣчавшіе его взгляды на свободѣ сельскаго простора. Только въ живомъ общеніи съ народомъ выходитъ человѣкъ изъ мертвеннаго одиночества эгоистическаго существованія и получаетъ значеніе живаго органа въ великомъ организмѣ; только при немъ могутъ всякая здравая мысль и всякое теплое чувство, возникшее въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, сдѣлаться достояніемъ общимъ и получить вліяніе и важность, не изъясляя и не имѣя притязаній на важность и вліяніе; только при немъ возможно то просвѣщеніе, къ которому Западъ стре-

мится безнадежно и котораго достигнуть не можетъ, вслѣдствіе своего внутренняго раздвоенія. Конечно, для каждаго изъ насъ перевоспитаніе самого себя сопряжено съ немалымъ трудомъ; но труда жалѣть не должно, когда предположенная цѣль есть возрожденіе жизненныхъ началъ въ насъ и развитіе истиннаго просвѣщенія въ Святой Руси.

I, 101. Каждое частное лицо, какъ бы ни было низко или высоко его званіе, какъ бы ни были скромны или блистательны его способности, чувствуетъ, что уже однимъ нравственнымъ достоинствомъ своей жизни оно вноситъ значительный вкладъ въ общую сокровищницу, и что, съ другой стороны, сколько бы оно ни вносило въ нее, оно всегда получаетъ изъ нея во сто кратъ болѣе, чѣмъ можетъ принести.

I, 170. Возвратъ Русскихъ къ началамъ Русской земли уже начинается.

Подъ этимъ словомъ возврата я не разумѣю возврата нашихъ любезныхъ соотечественниковъ, которые, какъ голубки, потрепетавши крылышками надъ треволненнымъ моремъ Западнаго общества, возвращаются утомленные на Русскую скалу и похваляютъ ея твердость. Нѣтъ, они возвращаются на Святую Русь, но не въ Русскую жизнь; они похваляютъ крѣпость своего убѣжища и не знаютъ (какъ и всѣ мы), что вся наша дѣятельность есть ничто иное, какъ безпрестанное подкапыванье его основъ. Къ счастью, наши руки и ломы слишкомъ слабы, и безсиліе наше спасаетъ насъ отъ собственной слѣпоты. Я не называю возвратомъ и того, не совсѣмъ рѣдкаго, явленія общественнаго, которое можетъ, пожалуй, сдѣлаться и минутною модою, что люди, совершенно оторванные отъ Русской жизни, но не скорбящіе объ этомъ разрывѣ, а въ полномъ самодовольствѣ наслаждающіеся своимъ мнимымъ превосходствомъ, важно похваляютъ Русскій народъ, дарятъ его, такъ сказать, своимъ ласковымъ словомъ, щеголяютъ передъ обществомъ знаніемъ Русскаго быта и Русскаго духа и преспокойно выдумываютъ для этого Русскаго духа чувства и мысли, про которыя не зналъ и не знаетъ Русскій человѣкъ. Чтобы выразить мысль народа, надобно жить съ нимъ и въ немъ. Я говорю о другомъ возвратѣ. Есть люди, и къ счастью этихъ людей уже немало, которые возвращаются не на Русскую землю, но къ Святой Руси, какъ въ своей духовной родительницѣ, и привѣтствуютъ своихъ братьевъ съ радостною и раскаивающеюся любовью. Этотъ мысленный возвратъ важенъ и утѣшителенъ. Наука, не смотря на слѣпое сопротивленіе книжниковъ и на лѣнивую устойчивость полукнижнаго большинства, не только начинаетъ обращать вниманіе на истинныя потребности Русской жизни, но, освобождаясь мало по малу отъ преж-

нихъ школьныхъ оковъ, уже показываетъ стремленіе къ сознанію своихъ родныхъ началъ и къ развитію истинъ, до сихъ поръ безсознательно таившихся въ нашей собственной жизни. Эти труды остаются не совсѣмъ безъ награды: имъ сочувствуютъ многіе, имъ сочувствуютъ по всей землѣ Русской и, можетъ быть, еще болѣе въ ея дальнихъ областяхъ, чѣмъ въ тѣхъ мнимыхъ центрахъ нашего просвѣщенія, которые до сихъ поръ суть дѣйствительно только центры Западнаго школьничества. Имъ сочувствуютъ даже нѣкоторые просвѣщенные люди на Западѣ, готовые уважать нашу мысль, когда она дѣйствительно будетъ нашею собственною, а не простымъ подражаніемъ мысли чужой.

Въ возстановленіи прерваннаго общенія образованныхъ Русскихъ людей съ Русскою землею—залогъ возрожденія нашего просвѣщенія.

I, 26. Просвѣщеніе не есть только сводъ и собраніе положительныхъ знаній: оно глубже и шире такого тѣснаго опредѣленія. Истинное просвѣщеніе есть разумное просвѣтлѣніе всего духовнаго состава въ человѣкѣ или въ народѣ. Оно можетъ соединяться съ наукою, ибо наука есть одно изъ его явленій, но оно сильно и безъ наукообразнаго знанія; наука же (одностороннее его развитіе) безсильна и ничтожна безъ него.—Разумное просвѣтлѣніе духа человѣческаго есть тотъ живой корень, изъ котораго развиваются и наукообразное знаніе, и такъ называемая цивилизація или образованность; оно есть самая жизнь духа въ ея лучшихъ и возвышеннѣйшихъ стремленіяхъ. Наука не заключаетъ еще въ себѣ живыхъ началъ образованности. Нерѣдко случается намъ видѣть многостороннихъ ученыхъ, которыхъ нельзя назвать образованными людьми. Наука можетъ разниться степенями своими по состояніямъ, по богатству, по досугамъ и по другимъ случайностямъ жизни; просвѣщеніе есть общее достояніе и сила цѣлаго общества и цѣлаго народа. Этою силою отстоялся Русскій человѣкъ отъ многихъ бѣдъ въ прошедшемъ, и этою силою будетъ онъ крѣпокъ въ будущемъ. Россія приняла въ свое великое лоно много разныхъ племенъ, Финновъ при-Балтійскихъ, при-Волжскихъ, Татаръ, Сибирскихъ Тунгузовъ, Бурятъ и др.; но имя, бытіе и значеніе получила она отъ Русскаго народа (т. е. человѣка Великой, Малой, Бѣлой Руси). Остальные должны съ ними слиться вполне; разумные, если поймутъ эту необходимость; великіе, если соединятся съ этою великою личностью; ничтожные, если вздумаютъ удерживать свою мелкую самобытность. Русское просвѣщеніе—жизнь Россіи.

Во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности открываются Русскимъ людямъ новые пути.

I, 459. Мы называемъ свою словесность и считаемъ ряды болѣе или менѣе почетныхъ именъ, и эта словесность по мысли и слову доступна только тѣмъ, которые и по внутренней жизни, и даже по наружности, уже расторгнули живую цѣпь преданій старины; за то и блѣдное слово и блѣдная мысль обличаютъ чужеземное происхожденіе привитаго растенія. Были, безъ сомнѣнія, и въ словесности нашей явленія, которыя кажутся исключеніями; но эти явленія есть только отдѣльныя произведенія или только части произведеній, и никогда, до нашего времени, не было ни одного поэта (въ стихахъ или прозѣ), который бы во всей цѣлости своихъ твореній выступилъ какъ человѣкъ вполне Русскій, какъ человѣкъ вполне свободный отъ примѣси чужой. Конечно тупа та критика, которая не слышитъ Русской жизни въ Державинѣ, Языковѣ и особенно Крыловѣ, а въ Жуковскомъ, въ Пушкинѣ и еще болѣе, можетъ быть, въ Лермонтовѣ не видитъ живыхъ слѣдовъ старорусскаго пѣсеннаго слова, и которая не замѣчаетъ, что эти слѣды всегда живо и сильно потрясаютъ Русскаго читателя, согрѣвая ему сердце чѣмъ-то роднымъ и чего онъ самъ не угадываетъ. Тупа та критика, которая не сознаётъ во всей нашей словесности характера особеннаго и принадлежащаго только намъ. Но этотъ характеръ никогда не развивался вполне: онъ робко выглядывалъ изъ подъ чужихъ формъ, не сознавая себя, иногда и стыдился самого себя. Нашему времени было предоставлено услышать наконецъ голосъ художника вполне свободного, вполне самостоятельнаго. Трудно сказать, чѣмъ онъ спасенъ: силою ли своего внутренняго духа, особенностью ли прекрасной, истинно-художнической области, въ которой онъ родился и которая была менѣе сѣверныхъ областей захвачена нашею умственною жизнію прошедшаго столѣтія? Во всякомъ случаѣ онъ принадлежитъ будущей эпохѣ, а не прошедшей *).

*) I, 732. Здѣсь разумѣется Гоголь. Писано это въ 1845 году. Позже, въ 1859 г., Хомяковъ, предсѣдательствуя въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, въ отвѣтъ гр. Л. Н. Толстому сказалъ слѣдующее: „Общество Любителей Россійской Словесности, включивъ васъ, графъ Левъ Николаевичъ, въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ, съ радостію привѣтствуетъ васъ, какъ дѣятеля чисто-художественной литературы. Это чисто-художественное направленіе защищаете вы въ своей рѣчи, ставя его высоко надъ всеми другими временными и случайными направленіями словесной дѣятельности. Странно было бы, еслибы общество вамъ не сочувствовало въ томъ; но позвольте мнѣ сказать, что правота вашей мнѣніи, вами столь искусно изложенная, далеко не устраняетъ правъ временнаго и случайнаго въ области слова. То, что всегда справедливо, то, что всегда прекрасно, то, что неизмѣнно, какъ самые коренные законы души, — то, безъ сомнѣнія, занимаетъ и должно занимать первое мѣсто въ мысляхъ, побужденіяхъ и, слѣдовательно, въ рѣчи человѣка. Оно, и оно одно, передается поколѣніемъ поколѣнію, народомъ на-

Искусство есть выраженіе характера и вѣрованія народнаго. Такъ, напримѣръ, средневѣковое зодчество необыкновенно ярко отразило на себѣ тогдашнее настроеніе Западнаго Христіанства.

роду, какъ дорогое наследіе, всегда множимое и никогда не забываемое. Но съ другой стороны, есть, какъ я имѣлъ уже честь сказать, постоянное требованіе самообличенія въ природѣ человѣка и въ природѣ общества; есть минуты, и минуты важныя въ исторіи, когда это самообличеніе получаетъ особенныя, неопровержимыя правъ и выступаетъ въ общественномъ словѣ съ болѣею опредѣленностію и съ болѣею рѣзкостію. Случайное и временное въ историческомъ ходѣ народной жизни получаетъ значеніе всеобщаго, всечеловѣческаго, уже и потому, что все поколѣнія, все народы могутъ понимать и повиноваться болѣзненнымъ стонамъ и болѣзненную исповѣдь одного какого нибудь поколѣнія или народа. Правъ словесности, служительницы вѣчной красоты, не уничтожаютъ правъ словесности обличительной, всегда сопровождающей общественное несовершенство, а иногда являющейся цѣлительницею общественныхъ язвъ. Есть безконечная красота въ невозмутимой правдѣ и гармоніи души; но есть истинная, высокая красота и въ покаяніи, возстановляющемъ правду и стремящемъ человѣка или общество къ нравственному совершенству. Позвольте мнѣ прибавить, что я не могу раздѣлять мнѣнія, какъ мнѣ кажется, односторонняго, Германской эстетики. Конечно, художество вполнѣ свободно: въ самомъ себѣ оно находитъ оправданіе и цѣль. Но свобода художества, отвлеченно понятаго, нисколько не относится къ внутренней жизни самого художника. Художникъ не теорія, не область мысли и мысленной дѣятельности: онъ человѣкъ, всегда человѣкъ своего времени, обыкновенно лучший его представитель, весь проникнутый его духомъ и его опредѣлительными или зарождающимися стремленіями. По самой впечатлительности своей организаціи, безъ которой онъ не могъ бы быть художникомъ, онъ принимаетъ въ себя, и болѣе другихъ людей, все болѣзненное, также какъ и радостныя, ощущенія общества, въ которомъ онъ родился. Посвящая себя всегда истинному и прекрасному, онъ невольно, словомъ, складомъ мысли и воображенія, отражаетъ современное въ его смѣси правды, радующей душу чистую, и ажи, возмущающей ея гармоническое спокойствіе. Такъ сливаются двѣ области, два отдѣла литературы, объ которыхъ мы говорили; такъ писатель, служитель чистаго художества, дѣлается иногда обличителемъ, даже безъ сознанія, безъ собственной воли и иногда противъ воли. Васъ самихъ, графъ, позволю я привести въ примѣръ. Вы идете вѣрно и неуклонно по сознанному и опредѣленному пути; но неужели вы вполнѣ чужды тому направленію, которое назвали обличительною словесностію? Неужели хоть бы въ картинѣ чахоточнаго ящика, умирающаго на печкѣ въ толпѣ товарищей, повидимому равнодушныхъ къ его страданіямъ, вы не обличили какой-нибудь общественной болѣзни, какого-нибудь порока? Описывая эту смерть, неужели вы не страдали отъ этой мозолистой безчувственности добрыхъ, но непробужденныхъ душъ человѣческихъ? Да,—и вы были, и вы будете невольно обличителемъ. Идите съ Богомъ по тому прекрасному пути, который вы избрали! Идите съ тѣмъ же усердіемъ, которымъ вы увѣнчались до сихъ поръ, или еще съ болѣею, ибо вашъ даръ не есть даръ преходящій и скоро исчерпываемый; но вѣрьте, что въ словесности вѣчное и художественное постоянно принимаетъ въ себя временное и преходящее, превращая и облагораживая его, и что все разнообразныя отрасли человѣческаго слова безпрестанно сливаются въ одно гармоническое цѣлое“.

I, 208. Глядя на великолѣпныя созданія средневѣковаго зодчества, на каменные кружева его воздушныхъ башенъ, на таинственный сумракъ его стрѣльчатыхъ сводовъ, прорѣзанный, испещренный цвѣтными лучами его расписныхъ стеколъ, рѣдкій еще сознается, что есть глубокий разладъ въ духовной основѣ этого мятежнаго художества. Рѣдкій почувствуетъ, что эти чудныя громады, стремящіяся оторваться отъ земли и побѣдить законы тяжести, силою какого-то даннаго имъ растительнаго порыва, созданы и запечатлѣны внутреннею тревогою страстной и раздвоенной души и передаютъ зрителю своему ту же самую страшную и мрачную тревогу, которая высказалась въ ихъ рукозданной поэзіи.

Это еще болѣе ясно въ пластикѣ.

I, 162. Во всякомъ періодѣ человѣчества, во всякомъ народѣ, для пластики возможны только два рода: пластика бытовая (genre, въ которой заключаются всѣ другіе роды, такъ называемый историческій, ландшафтъ и пр.), и пластика духовная (икона). Высшее развитіе этого послѣдняго высшаго рода подчиняется отчасти тѣмъ же законамъ, но отчасти оно повинуетъ и другимъ законамъ, менѣе зависящимъ отъ случайности временъ и народовъ. Икона не есть религіозная картина, точно также какъ церковная музыка не есть музыка религіозная; икона и церковный напѣвъ стоятъ несравненно выше. Произведенія одного лица, они не служатъ его выраженіемъ; они выражаютъ всѣхъ людей, живущихъ однимъ духовнымъ началомъ: это художество въ высшемъ его значеніи. Разумѣется, я не говорю о такомъ или такомъ-то напѣвѣ, или о такой или такой-то иконѣ; я говорю объ общихъ законахъ и ихъ смыслѣ. Та картина, къ которой вы подходите, какъ къ чужой, тотъ напѣвъ, который вы слушаете, какъ чужой напѣвъ,—это уже не икона и не церковный напѣвъ: они уже запечатлѣны случайностью какого-нибудь лица или народа. Отъ того-то икона въ Христіанствѣ возможна только въ Церкви, въ единствѣ церковнаго созерцанія; отъ того-то стоитъ она (въ своемъ идеалѣ) такъ много выше всякаго другаго художественнаго произведенія,—предѣломъ, къ которому непременно должно стремиться художество, если оно еще надѣется какого-нибудь развитія. По тому самому, что икона есть выраженіе чувства общиннаго, а не личнаго, она требуетъ въ художникѣ полнаго общенія не съ догматикою Церкви, но со всѣмъ ея бытовымъ и художественнымъ строемъ, такъ какъ вѣка передали его христіанской общинѣ. И такъ, пластика въ обоихъ родахъ своихъ, бытовомъ и иконномъ, доступна Русскому художнику единственно во столько, во сколько онъ живетъ въ полномъ согласіи

съ жизненнымъ и духовнымъ бытомъ Русскаго народа; и воспитаніе художника, его развитіе состоятъ только въ уясненіи идеаловъ, уже лежащихъ безсознательно въ его душѣ.

Живопись безспорно существуетъ въ Россіи; она дала много выдающихся произведеній.

I, 461. Но добросовѣстная критика, отдавая справедливость прекраснымъ произведеніямъ, созданнымъ въ Россіи и отчасти Русскими, можетъ и должна спросить: принадлежать ли они вполнѣ Россіи? Созданы ли они Русскимъ духомъ? Фламандецъ, вступая въ свою національную галерею, узнаетъ въ ней себя. Онъ чувствуетъ, что не его рукою, но его душою, его внутреннею жизнью живутъ и дышатъ волшебныя произведенія Рубенса или Рембрандта. Эти грубыя и тяжело-матеріальныя формы—это его Фламандское воображеніе; эта добродушная и веселая простота—это его Фламандскій характеръ; эти солнечныя лучи, эта чудная свѣто-тѣнь, схваченныя и увѣковѣченныя кистью—это его Фламандская радость и любовь. Тоже самое чувствуетъ и Нѣмецъ передъ своими Гольбейнами и Дюрерами, сухими, скудными, но полными задумчивости и глубокомыслія. Тоже самое чувствуетъ Итальянецъ предъ своимъ Леонардомъ, передъ Михель-Анжеломъ, передъ своимъ Рафаэлемъ, передъ всѣми этими царями живописи, передъ всѣми этими чудесами очерка и выраженія, которыхъ едва ли когда-нибудь достигнетъ другой какой народъ, которыхъ безъ сомнѣнія никто не превзойдетъ. Что же общаго между Русской душою и Россійскою живописью? Рожденная на краю Россіи, на перепутіи ея съ Западомъ, вырощенная чужою мыслию, чужими образцами, подъ чужимъ вліяніемъ, носитъ ли она на себѣ хоть признаки Русской жизни? Въ ней узнать ли себя Русская душа? Глядя на произведенія Россійскихъ живописцевъ, мы любимъ ими какъ достояніемъ всемірнымъ, мы называемъ ихъ своими, а чувствуемъ получужими. Растенія безъ воздуха и безъ земли, выведенныя на стеклѣ подъ соломенной настилкой, согрѣтыя солнцемъ тепличнымъ *).

Первый пошелъ по новому пути Ивановъ. Дѣятельность его имѣетъ для насъ глубокой, поучительный интересъ.

I, 706. Русскій художникъ находится въ тѣхъ же отношеніяхъ къ художеству Европы, въ которыхъ находимся мы всѣ ко всѣмъ областямъ Европейской мысли. Онъ подавленъ этимъ художественнымъ міромъ, котораго богатство и прелесть онъ чувствуетъ тѣмъ живѣе, чѣмъ его собственная душа впечатлительнѣе къ прекрасному. Ему нель-

*) Писано въ 1845 году.

зя не воспринять въ себѣ этотъ міръ, если онъ дѣйствительно рожденъ быть художникомъ; ему необходимо оторваться отъ него, чтобы достигнуть творчества и сдѣлаться дѣятелемъ свободнымъ. Любовью обнимаетъ онъ всѣ произведенія всѣхъ школъ, невольно увлекаясь ими, а долженъ отрѣшиться отъ нихъ, чтобы отыскать въ самомъ себѣ то, что дѣйствительно ему самому присуще, что лежитъ (какъ говорятъ Англичане) въ сердцѣ его сердца, что потребовало бы художества и создало бы художество, еслибы художество еще не существовало. Онъ долженъ освободиться изъ этой прихотливой и безпутной смѣси любовныхъ влеченій къ явленіямъ міра и искусства, чтобы отыскать свою коренную любовь, которой онъ долженъ посвятить всѣ свои силы и которая должна создать въ немъ силы новыя и невѣданныя. Пелену за пеленой, слой за слоемъ, хламъ за хламомъ (часто даже видимо прекрасный хламъ) долженъ онъ скидывать съ души, чтобы допросить ея истинную сущность и получить отъ нея отвѣтъ. Тогда только можетъ высказаться и выйти на Божій свѣтъ все затемненное, забытое, забитое, заваленное полуторастолѣтымъ наслоеніемъ, вся дѣйствительная жизнь нашей внутренней жизни (во сколько мы еще живы), принятая нами невидимо изъ пѣсни, рѣчи, самаго языка, обычая семейнаго, болѣе же всего отъ храма Божьяго. Тогда можетъ только высказаться въ душѣ то, чѣмъ она выходитъ изъ предѣловъ тѣсной личности и является уже въ высшемъ значеніи, какъ частное отраженіе всенароднаго Русскаго духа, просвѣтленнаго Православною Вѣрою. *Тогда только приобретаетъ художникъ самого себя.* Вотъ чего долженъ былъ достигнуть Ивановъ; вотъ для чего нужны были ему многолѣтніе труды, многолѣтнее напряженіе мысли и воли! Одинъ, далеко отъ отечества, независимо отъ всякаго посторонняго вліянія, никѣмъ неподдержанный и непонятый никѣмъ, Ивановъ совершалъ и совершилъ въ области своего художества то, надъ чѣмъ въ одно время съ нимъ трудилось столько горячихъ убѣжденій, столько твердыхъ волъ, столько ясновидящихъ умовъ; то, на что столько положено силъ и потрачено столько благородныхъ жизней (вспомнимъ хоть Гоголя). Далекъ еще до цѣли общихъ усилій, но счастливый Ивановъ на своемъ пути достигъ своей частной цѣли. Чему обязанъ онъ этимъ успѣхомъ, большой ли гениальности, или полнѣйшей чистотѣ стремленія, или самому характеру художества, которому онъ служилъ, не знаемъ; но его торжество есть торжество общее.

Участь художества звука была подобна участи художества слова.

I, 460. Оба они были богаты и самобытны у насъ въ своемъ народномъ развитіи, богаче, чѣмъ у какого другаго народа; оба обѣдня-

ли съ введеніемъ въ Россію новыхъ художественныхъ стихій, которыми не овладѣла еще вполне Русская жизнь; но и въ музыкѣ, какъ и въ словесности, наступило духовное освобожденіе, и великій художникъ пробудилъ заснувшую силу нашего музыкальнаго творчества.

Развитію народнаго искусства во всѣхъ его областяхъ оказываетъ живое содѣйствіе археологія.

I, 513. Она принесла и приносить намъ ту же пользу, которую она принесла нашимъ южнымъ и западнымъ соплеменникамъ; но этимъ не ограничивается ея дѣйствіе. Нѣтъ, она сама измѣняетъ свое значеніе и получаетъ новое, еще высшее: она не есть уже наука древностей, но наука древняго въ настоящемъ; она входитъ какъ важная, какъ первостепенная отрасль въ наше воспитаніе умственное, а еще болѣе сердечное. Наши старыя сказки отыскиваются не на палимпсестахъ, не въ хламѣ старыхъ и полусогнившихъ рукописей, а въ устахъ, Русскаго человѣка, поющаго пѣсни старины людямъ, не оставшимъ отъ стараго быта. Наши старыя грамоты являются памятниками не отжившаго міра, не жизни когда-то прозвучавшей и замолкнувшей навсегда, а историческимъ проявленіемъ стихій, которыя еще живутъ и движутся по всей нашей великой родинѣ, но про которыя мы утратили было воспоминаніе. Самыя юридическія учрежденія старины нашей сохранились еще во многихъ мѣстахъ въ силѣ и свѣжести, и живутъ въ преданіяхъ и пѣняхъ народныхъ. Наука о прошедшемъ является знаніемъ настоящаго и, углубляясь въ старину и знакомясь съ нею, мы узнаемъ современное и сживаемся съ нимъ умомъ и сердцемъ.

Ожививъ въ себѣ родныя стихіи, мы съ пользою можемъ приступить къ просвѣщенію народа.

I, 22. Русскій человѣкъ, какъ извѣстно, охотно принимаетъ науку; но онъ вѣритъ также и въ свой природный разумъ.

Наука должна расширять область человѣческаго знанія, обогащаясь его данными и выводами; но она должна помнить, что ей самой приходится многому и многому учиться у жизни. Безъ жизни она также скудна, какъ жизнь безъ нея; можетъ быть еще скуднѣе. Темное чувство этой истины живетъ и въ томъ человѣкѣ, котораго разумъ не обогащенъ познаніями. Поэтому ученый долженъ говорить съ неученымъ не снисходительно, какъ высшій съ низшимъ, не жалкимъ фістуломъ, какъ взрослый съ младенцемъ; но просто и благородно, какъ мыслящій съ мыслящимъ. Онъ долженъ говорить собственнымъ своимъ языкомъ, а не поддѣлываться подъ чужой, который называетъ народнымъ. Эта поддѣлка ничто иное какъ гримаса; эта народность не до

ходить до деревни и не переходить за околицу барскаго двора. Прежде же всего надобно узнать, т. е. полюбить ту жизнь, которую хотим обогатить наукою. Эта жизнь, полная силы преданія и вѣры, создала громаду Россіи прежде, чѣмъ иностранная наука пришла позолотить ея верхушки.

*) Величайшее вниманіе Русскихъ людей и правительства должно быть обращено на общественное воспитаніе.

Воспитаніе въ обширномъ смыслѣ есть то дѣйствіе, посредствомъ котораго одно поколѣніе приготовляетъ слѣдующее за нимъ поколѣніе къ его очередной дѣятельности въ исторіи народа. Воспитаніе въ умственномъ и духовномъ смыслѣ начинается также рано, какъ и физическое. Самые первые зачатки его, передаваемые посредствомъ слова, чувства, привычки и т. д., имѣютъ уже безконечное вліяніе на дальнѣйшее его развитіе. Строй ума у ребенка, котораго первыя слова были Богъ, тятя, мама, будетъ не таковъ, какъ у ребенка, котораго первыя слова были деньги, нарядъ или выгода. Душевный складъ ребенка, который привыкъ сопровождать своихъ родителей въ церковь по праздникамъ и по Воскресеньямъ, а иногда и въ будни, будетъ значительно разниться отъ душевнаго склада ребенка, котораго родители не знаютъ другихъ праздниковъ, кромѣ театра, бала и картежныхъ вечеровъ. Отецъ или мать, которые предаются восторгамъ радости при полученіи денегъ или житейскихъ выгодъ, устраиваютъ духовную жизнь своихъ дѣтей иначе, чѣмъ тѣ, которые при дѣтяхъ позволяютъ себѣ умиленіе и восторгъ только при безкорыстномъ сочувствіи съ добромъ и правдою человѣческою. Родители, домъ, общество уже заключаютъ въ себѣ бѣольшую часть воспитанія, и школьное ученіе есть только меньшая часть того же воспитанія. Если школьное ученіе находится въ прямой противоположности съ предшествующимъ и, такъ-сказать, приготовительнымъ воспитаніемъ, оно не можетъ приносить полной, ожидаемой отъ него пользы; отчасти оно даже дѣлается вреднымъ: вся душа человѣка, его мысли, его чувства раздвоятся; исчезаетъ всякая внутренняя цѣльность, всякая цѣльность жизненная; обезсиленный умъ не даетъ плода въ знаніи, убитое чувство глохнетъ и засыхаетъ; человѣкъ отрывается, такъ-сказать, отъ почвы, на которой выросъ, и становится пришельцемъ на своей собственной землѣ.

Общественное воспитаніе должно поставить себѣ цѣлю охраненіе и укрѣпленіе основъ народнаго духа.

*) Статья „Объ общественномъ воспитаніи въ Россіи“, изъ которой здѣсь сдѣлано нѣсколько послѣдовательныхъ выписокъ, написана около 1858 г. и напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г., кн. 1.

Внутренняя задача Русской земли есть проявленіе общества христіанскаго, православнаго, скрѣпленнаго въ своей вершинѣ закономъ живаго единства и стоящаго на твердыхъ основахъ общины и семьи. Этимъ опредѣленіемъ опредѣляется и самый характеръ воспитанія; ибо воспитаніе, естественно даваемое поколѣніемъ предшествующимъ поколѣнію послѣднему, по необходимости заключаетъ и должно заключать въ себѣ тѣ начала, которыми живетъ и развивается историческое общество. Итакъ, воспитаніе, чтобы быть Русскимъ, должно быть согласно съ началами не богобоязненности вообще и не Христіанства вообще, но съ началами Православія, которое есть единственное истинное Христіанство, съ началами жизни семейной и съ требованіями сельской общины, во сколько она распространяетъ свое вліяніе на Русскія сѣла.

Правило, что воспитаніе въ Россіи должно быть согласно съ бытомъ семейнымъ и общиннымъ, указываетъ болѣе на то, чего избѣгать должно, чѣмъ на то, что должно дѣлать. Жизненныхъ началъ общества производить нельзя: они принадлежать самому народу, или (во избѣжаніе слова, слишкомъ часто употребленнаго во зло и слишкомъ дурно понятаго) самой землѣ, по выраженію старо-Русскому. Можно и должно устранять все то, что враждебно этимъ началамъ, но развивать самыя начала почти невозможно. Жизненное и историческое дѣйствіе общества похоже на живыя явленія природы и, можетъ быть, еще неуловимѣ ихъ. Опасно вступать въ эти многосложныя и неосвязаемыя тайны и поручать механикѣ и химіи то, что поручено Промысломъ законамъ, которыхъ никто еще не постигъ вполнѣ. Всякая премія, назначенная добродѣтели, есть премія, предлагаемая пороку. Правительство, поощряющее подвиги безкорыстной доблести какою бы то ни было корыстною наградой, отравляетъ источникъ, который хочеть очистить; правительство, которое беретъ семью подъ свое покровительство и опеку, обращаетъ ее по-китайски въ полицейское учрежденіе и слѣдовательно убиваетъ самую семейность. Нѣтъ никакой извѣстной возможности развить или произвести чувство, связывающее Русскаго крестьянина съ его общиною, или Русскаго человѣка съ его семьею; но есть возможность подавить или уничтожить эти чувства. Хорошо направленное воспитаніе должно избѣгать всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя могли бы произвести такое гибельное послѣдствіе. Сельское училище, даже высшее, не должно вырывать селянина изъ его общиннаго круга и давать излишнее развитіе его индивидуальности. Все воспитаніе и всѣ училища должны быть, во сколько возможно, соображены съ условіями семейной жизни. Любовь къ семьѣ не внушается

отвлеченными теоріями съ кафедры: она растетъ и крѣпнеть только привычкою къ семейному быту.

То самое, что сказано о семейномъ бытѣ, относится болѣе или менѣе къ Вѣрѣ. Безъ сомнѣнія, Христіанство, т.-е. Православіе, имѣетъ свою наукообразную сторону, которую можно изучать и которую должно преподавать; но самое поверхностное наблюденіе уже показываетъ, что преподаваемое ученіе Вѣры весьма недостаточно и шатко. Оно вообще не имѣетъ и имѣть не можетъ теплоты апостольской проповѣди, укрѣпляющей вѣрныхъ и обращающей невѣрующихъ; оно не имѣетъ и (кромѣ развѣ высшихъ училищъ) не можетъ имѣть той глубины философскаго ученія, которое покоряетъ упорство разума его же оружіемъ, стройною и неотразимою логикою. Вообще оно не представляетъ ничего, кромѣ сухаго перечня отдѣльныхъ положеній, безъ строгихъ доказательствъ и безъ живой связи, перепутанныхъ паутиною схоластики у преподавателей, имѣющихъ притязаніе на ученую послѣдовательность, и затемненныхъ туманами мистики у преподавателей, имѣющихъ притязаніе на глубокое чувство. Оно необходимо, но не въ немъ заключается основа христіанскаго и православнаго развитія душевныхъ способностей въ юношествахъ. Эта основа заключается въ чувствахъ сердца, укрѣпленныхъ постоянною привычкою къ внѣшнему обряду Православія. Сердце воспитывается къ Христіанству, слава Богу, еще въ большей части Русскихъ семей, и училищамъ предстоитъ только поддержать его привычкою къ обряду.

Наукообразное преподаваніе закона Божіяго во всѣхъ школахъ должно быть по преимуществу историческое; въ высшихъ же училищахъ оно можетъ и даже должно до нѣкоторой степени имѣть направленіе полемическое. Но эта полемика должна ограничиваться опредѣленіемъ отношенія ученія самой Церкви къ разнымъ ученіямъ, возникшимъ исторически изъ нея, а не отваживаться на схватку съ самымъ началомъ аналитическаго сомнѣнія или скепсиса. Эта вѣковая борьба рѣдко кому по силамъ. Конечно, она неизбежна, но должна быть представлена мыслителямъ, говорящимъ или пишущимъ для слушателей или читателей уже зрѣлыхъ; она неприлична рядовому преподавателю, говорящему передъ школьниками, слабыми въ разумѣ, сильными въ самоувѣренности, всегда готовыми къ сомнѣнію, какъ къ признаку умственной свободы, и всегда одаренными искусствомъ подмѣчать слабую сторону въ преподавателяхъ своихъ. Тутъ для Вѣры равно опасны и неловкій защитникъ, и молодой слушатель неловкой защиты. Общій духъ школы долженъ быть согласенъ съ Православіемъ и укрѣплять сѣмена его, посѣянные семейнымъ воспитаніемъ, а лекціи катехизиса или богословія должны только уяснять понятія о Вѣрѣ.

То, что называемъ мы общимъ духомъ школы, признающей надъ собою высшій судъ закона христіанскаго, не только не противно нѣ-которой свободѣ въ преподаваніи наукъ, но еще требуетъ этой свободы. Всякая наука должна выговаривать свои современные выводы прямо и открыто, безъ унижительной лжи, безъ смѣшныхъ натяжекъ, безъ умалчиванья, которое слишкомъ легко можетъ быть обличено. Нѣтъ сомнѣнія, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ, какъ геологія, фактическихъ, какъ исторія, или умозрительныхъ, какъ философія, кажутся не вполне согласными съ историческими показаніями Священнаго Писанія или съ его догматическою системою. Тоже самое было и съ другими науками и иначе быть не могло. Науки не совершили круга своего, и мы еще далеко не достигли до ихъ окончательныхъ выводовъ. Точно также не достигли мы и полного разумѣнія Св. Писанія. Сомнѣнія и кажущіяся несогласія должны являться, но только смѣлымъ допущеніемъ ихъ и вызовомъ наукъ къ дальнѣйшему развитію можетъ Вѣра показать свою твердость и непоколебимость. Заставляя другія науки лгать или молчать, она подрываетъ не ихъ авторитетъ, а свой собственный. Въ системѣ инквизиціи религіозной вредны не столько ея жестокости, сколько робость и безвѣріе, которыя въ ней скрываются.

Разумъ человѣка есть начало живое и цѣльное; его дѣятельность въ отношеніи къ наукѣ заключается въ пониманіи. Самые предметы представляемые наукою, какъ и предметы видимаго и осязаемаго міра, суть только матеріалы, надъ которыми трудится пониманіе. Истинная цѣль воспитанія умственнаго есть именно развитіе и укрѣпленіе пониманія; а эта цѣль достигается только посредствомъ постоянного сравненія предметовъ, представляемыхъ цѣлымъ міромъ науки и понятій, принадлежащихъ ей разнымъ областямъ. Умъ, сѣзжала ограниченный одною какой-нибудь областью человѣческаго знанія, впадаетъ по необходимости въ односторонность и тупость и дѣлается неспособнымъ къ успѣху даже въ той области, которая ему была предназначена. Обобщеніе дѣлаетъ человѣка хозяиномъ его познаній; ранній спеціализмъ дѣлаетъ человѣка рабомъ вытверженныхъ уроковъ. Самое богатство матеріаловъ, если они всѣ принадлежатъ къ одной какой-нибудь отрасли науки и не пробуждаютъ дремлющей силы сравнивающаго пониманія, обращается въ тягость: оно лежитъ бесплоднымъ и свинцовымъ грузомъ въ сонной головѣ, между тѣмъ какъ меньшее количество матеріаловъ, пробудившее дѣятельность ума съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ направленіяхъ, приноситъ богатые плоды и самому человѣку, и обществу, которому онъ принадлежитъ. Такъ несчастный ученикъ ремесленно-художественной школы, вѣкъ свой трудившійся

надъ рисованіемъ орнаментовъ, никогда не нарисуетъ и не придумаетъ того затѣйливаго орнамента, который шутя накинеть въ одно мгновѣніе рука академика, никогда не думавшаго о сплетеніи виноградныхъ и дубовыхъ листьевъ.

Вслѣдствіе такихъ соображеній, изъ курса гимназическаго должна быть устранена исключительная специальность занятій; но такъ какъ въ раннемъ возрастѣ отчасти уже выражаются умственныя способности учащихся и ихъ склонности, или еще чаще направленіе, данное имъ желаніемъ родителей, то можно допустить раздѣленіе общаго курса на два отдѣленія: на отдѣленіе словесности и отдѣленіе математики *). Университетъ, какъ высшее изъ всѣхъ государственныхъ училищъ, опредѣляетъ значеніе всѣхъ остальныхъ. Его процвѣтаніе есть процвѣтаніе всѣхъ, его паденіе—паденіе ихъ. Плохой университетъ дѣлаетъ всѣ остальные школы ничтожными, иныя вслѣдствіе ихъ прямой

*) Далѣе сказано: „Предметы обоихъ курсовъ должны быть одинаковы, ученіе общее. Различіе должно быть въ экзаменѣ. Характеръ отдѣленій опредѣляется преобладаніемъ языковѣданія въ одномъ и математики въ другомъ. Въ обоихъ эти отчасти спеціальныя занятія должны быть сколько возможно менѣе направлены къ практической цѣли и, слѣдовательно, сколько возможно болѣе заключены въ области отвлеченнаго знанія. Словесность должна по преимуществу обращаться къ древнимъ языкамъ, математика—къ алгебраическимъ формуламъ. Задача переходнаго училища состоитъ именно въ томъ, чтобы расширить и укрѣпить пониманіе, и этой цѣли можетъ оно достигнуть только такою системою, которая доставляетъ трудъ уму и пищу размышленію. Преподаваніе языковъ живыхъ и математики прикладной раскидываетъ мысль; преподаваніе языковъ древнихъ, и чистой математики сосредоточиваетъ ее въ самой себѣ. Одно изнѣживаетъ и расслабляетъ, другое трезвитъ и укрѣпляетъ. Тотъ, кто учится Французскому и другимъ Европейскимъ языкамъ, пріобрѣтаетъ только новое средство читать журналы и романы и лепетать въ обществѣ на разныхъ ломанныхъ нарѣчіяхъ; тотъ, кто учится языкамъ древнимъ, пріобрѣтаетъ знаніе не языковъ, но самихъ законовъ слова, живаго выраженія человѣческой мысли. Одного знанія древнихъ языковъ достаточно, чтобы Русскій человекъ превосходно овладѣлъ своимъ собственнымъ языкомъ, а знаніе многихъ живыхъ языковъ достаточно, чтобы Русскій совершенно раззнакомился со всѣми новыми особенностями роднаго нарѣчія. Почти тоже самое можно сказать и объ математикѣ. Чистая математика приготавливаетъ человека къ прикладной; прикладная дѣлаетъ человека почти неспособнымъ къ ясному уразумѣнію законовъ чистой математики. Наконецъ, познаніе языковъ новѣйшихъ и наукъ физическихъ легко пріобрѣтается и по выходѣ изъ школы: сама жизнь помогаетъ этому пріобрѣтенію. Языки древніе и чистая математика никогда уже не пріобрѣтаются тѣмъ, кого школа съ ними не подружила. Ученіе, повидимому, бесполезное въ отношеніи практическомъ, созидаетъ людей крѣпкихъ и самомыслящихъ; ученіе, повидимому, чисто-практическое, воспитываетъ пустыхъ повторителей заграничной болтовни. Итакъ, знаніе древнихъ языковъ и знаніе математики умозрительной составить характеръ двухъ отдѣленій гимназій; но, какъ уже сказано, преподаваніе въ обоихъ отдѣленіяхъ должно быть одно и тоже, и только при экзаменѣ, по собственному желанію учениковъ, опредѣляется различіе между ними. Просящіе экзамена по словесности экзаменуются строже въ языкахъ древнихъ и легче въ математикѣ, которая считается для нихъ предметомъ только вспомогательнымъ; просящіе экзамена по математикѣ экзаменуются строже по алгебрѣ и геометріи и легче по древнимъ языкамъ, которые для нихъ уже составляютъ ученіе только вспомогательное“.

зависимости, другія вслѣдствіе того соревнованія, которое заставляетъ даже спеціальную школу стремиться къ совершенству, чтобы не уступить слишкомъ явнаго первенства высшему учебному заведенію. Итакъ, улучшение университетовъ должно считать предметомъ первой важности въ дѣлѣ образованія общественнаго, и къ нему должно прилагать всевозможныя старанія.

Въ непосредственной связи съ вопросомъ объ общественномъ воспитаніи стоитъ вопросъ о свободѣ печати.

Книгопечатаніе можетъ быть употреблено во зло. Это зло должно быть предотвращено цензурою, но цензурою не мелочною, не кропотливою, не безразсудно-робкою, а цензурою просвѣщенной, снисходительною и близкою къ полной свободѣ. Пусть унимаетъ она страсти и вражду; пусть смотритъ за тѣмъ, чтобы писатели, выражая мнѣніе свое, говорили отъ разума (конечно всегда ограниченнаго) и обращались къ чужому разуму, а не разжигали злаго и недостойнаго чувства въ читателѣ; но пусть уважаетъ она свободу добросовѣстнаго ума. Цензура, безразсудно строгая, вредна вездѣ; но цензура безмѣрно строгая была бы вреднѣе въ Россіи, чѣмъ гдѣ либо. По милости Божіей, наша родина основана на началахъ высшихъ, чѣмъ другія государства Европы, не исключая даже Англіи; ими она живетъ, ими крѣпка. Эти начала могутъ и должны выражаться печатно. Если выраженіе ихъ затруднено, и жизнь словесная подавлена, мысль общественная и особенно мысль молодого возраста предается вполнѣ и безъ защиты вліянію иноземцевъ и ихъ словесности, вредной даже въ произведеніяхъ самыхъ невинныхъ; по общему мнѣнію. Болѣе того: иностранная словесность сама по себѣ, безъ противодѣйствія словесности Русской, вредна даже въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя, по общему мнѣнію, заслуживаютъ наиболѣе похвалы и особеннаго поощренія. Для Русскаго взгляда иностранца на общество, на государство, на вѣру, превратенъ; неисправленныя добросовѣстною критикою Русской мысли, слова иностранца, даже когда онъ защищаетъ истину, наводятъ молодую мысль на ложный путь и на ложные выводы, а между тѣмъ, при оскудѣніи отечественнаго слова, Русскій читатель долженъ по неволѣ пробавляться произведеніями заграничными.

Но скажутъ: строгость цензуры никогда не можетъ падать на произведенія безвредныя или полезныя. Это не правда. Можно доказать, что излишняя цензура дѣлаетъ невозможною всякую общественную критику, а общественная критика необходима для самого общества, ибо безъ нея общество лишается сознанія, а правительство лишается всего общественнаго ума. Но если бы даже это было правдою, то и тогда вредъ былъ бы неисчислимымъ. Честное перо требуетъ

свободы для своихъ честныхъ мѣнѣй, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда, по милости слишкомъ строгой цензуры, вся словесность бываетъ наводнена выраженіями низкой лести и явнаго лицемерія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчать, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ, или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости; лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ, душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во все произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало по малу въ обществѣ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія за нимъ слѣдующія. Такіе примѣры бывали въ исторіи, и ихъ должно избѣгать. Таковы ближайшія задачи Русскаго человѣка, народа и государства.

I, 258. Великъ и благороденъ подвигъ всякаго человѣка на землѣ; подвигъ Русскаго исполненъ надежды. Не жалѣть о лучшемъ прошедшемъ, не скорбѣть о нѣкогда бывшей Вѣрѣ должны мы, какъ Западный человѣкъ; но, помня съ отрадою о живой Вѣрѣ нашихъ предковъ, надѣяться, что она озаритъ и проникнетъ еще полнѣе нашихъ потомковъ; помня о прекрасныхъ плодахъ Божественнаго начала нашего просвѣщенія въ старой Руси, ожидать и надѣяться, что, съ помощію Божіею, та цѣльность, которая выражалась только въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, безпрестанно исчезающихъ въ смутѣ и мятежѣ многострадальной исторіи, выразится во всей своей многосторонней полнотѣ, въ будущей мирной и сознательной Руси.

I, 173. Совершается, хотя и медленно (такъ какъ и слѣдуетъ быть) переходъ въ нашемъ общественномъ мышленіи. Но надежда не должна порождать ни излишнюю увѣренность, ни лѣнивую безпечность. Много еще времени, много умственной борьбы впереди. Не вдругъ разгоняется умственный сонъ, медленно переменяются убѣжденія; еще медленно измѣняются привычки, данныя полутора столѣтнимъ направленіемъ. Все дѣло людей нашего времени можетъ быть еще только дѣломъ самовоспитанія. Намъ не суждено еще сдѣлаться органами, выражающими Русскую мысль; хорошо, если сдѣлаемся хоть сосудами, способными сколько-нибудь ее воспринять. Лучшая доля предстоитъ будущимъ поколѣніямъ: въ нихъ уже могутъ выразиться вполнѣ все духовныя силы и начала, лежація въ основѣ Святой Православной Руси. Но для того, чтобы это было возможно, надобно, чтобы жизнь каждаго была въ полномъ согласіи съ жизнію всѣхъ, чтобы не

было раздвоенія ни въ лицахъ, ни въ обществахъ. Частное мышленіе можетъ быть сильно и плодотворно только при сильномъ развитіи мышленія общаго; мышленіе общее возможно только тогда, когда высшее знаніе и люди, выражающіе его, связаны со всѣмъ остальнымъ организмомъ общества узами свободной и разумной любви, и когда умственныя силы каждаго отдѣльнаго лица оживляются круговращеніемъ умственныхъ и нравственныхъ соковъ въ его народѣ. Исторія призываетъ Россію стать впереди всемірнаго просвѣщенія; она даетъ ей на это право за всесторонность и полноту ея началъ; а право, данное исторіею народу, есть обязанность, налагаемая на каждаго изъ его членовъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы видѣли Хомякова такимъ, какимъ знали его современники и такимъ онъ является намъ въ своихъ сочиненіяхъ. Первый, непосредственный выводъ изъ сопоставленія этихъ двухъ областей, въ которыхъ сохранился намъ его образъ, есть рѣдкое между ними согласіе. Человѣкъ, сказавшій, что въ Церкви «ученіе живетъ, и жизнь учитъ», самъ въ высшей мѣрѣ проявилъ это единство мысли, слова и дѣла во всѣхъ частяхъ своей дѣятельности. Поэтому повѣсть о его жизни служить необходимымъ дополненіемъ къ его писаніямъ; на основаніи же совокупности того и другаго можемъ мы произнести справедливое сужденіе о томъ, чѣмъ онъ былъ и что сдѣлалъ.

Высказанныя Хомяковымъ мысли представляютъ въ цѣломъ систему религіозныхъ, философскихъ, историческихъ и соціальныхъ воззрѣній, систему, которой главныя черты намѣчены въ нашемъ изложеніи. Въ проповѣди исповѣдуемыхъ имъ началъ состояло внѣшнее дѣло его жизни.

Когда человѣкъ сходитъ со своего земнаго поприща, когда для него, по выраженію поэта, «настаетъ потомство», тогда наступаетъ и оцѣнка свершеннаго имъ на землѣ дѣла. Въ предисловіи къ нашему труду мы указали на причины, замедлившія оцѣнку Хомякова. Но мы разумѣли оцѣнку всестороннюю, спокойную и безпристрастную, судъ *sine ira et studio*. Для такой оцѣнки Хомякова только что наступаетъ пора; частныя же попытки выяснить его значеніе дѣлались и вскорѣ послѣ его смерти, и еще при жизни, особенно, если имѣть въ виду отзывы отрицательные.

Мнѣнія о Хомяковѣ современниковъ можно раздѣлить на три разряда: на мнѣнія противниковъ, единомышленниковъ и учениковъ. Чтобы не теряться во множествѣ отзывовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать точное понятіе о каждой изъ указанныхъ точекъ зрѣнія, приведемъ

вкратцѣ взгляды на Хомякова трехъ наиболѣе крупныхъ въ своей сферѣ людей: А. И. Герцена, Н. И. Гилярова-Платонова и Ю. О. Самарина. Думаемъ, что подъ этими тремя именами соединимо все, что болѣе или менѣе самостоятельно говорилось о Славянофильствѣ вообще и о Хомяковѣ въ частности при его жизни и вскорѣ послѣ его смерти.

Герценъ видѣлъ въ Хомяковѣ прежде всего *диалектика*. Онъ былъ кореннымъ образомъ несогласенъ съ Хомяковымъ по всѣмъ важнымъ философскимъ, историческимъ и социальнымъ вопросамъ. Будучи самъ, по крайней мѣрѣ, въ то время, человѣкомъ вполне убѣжденнымъ и искреннимъ и не находя возможности ни согласиться съ доводами Хомякова, ни опровергнуть ихъ точно и послѣдовательно, Герценъ долженъ былъ признать, что система Хомякова, ложная въ основаніяхъ, вѣрна себѣ въ логическомъ построеніи, и что самъ онъ силенъ не истиною, а краснорѣчіемъ. Таковъ конечный смыслъ отзыва Герцена о Хомяковѣ, разбѣившихъ въ его воспоминаніяхъ. Того же взгляда держались Грановскій и другіе Западники, считая Хомякова не убѣжденнымъ проповѣдникомъ, а изворотливымъ софистомъ. Такой взглядъ на него перешелъ преемственно и къ позднѣйшимъ сторонникамъ Западнаго направленія, немного только смягчившись съ теченіемъ времени, утративъ остроту и раздраженіе борьбы, но сохранивъ сущность отрицательнаго отношенія.

Люди, близкіе къ Хомякову въ основаніяхъ своихъ воззрѣній, но не считавшіе себя непосредственно его учениками, какъ Гиляровъ, думали, что Хомяковъ идетъ по вѣрному пути, но не исчерпываетъ своими построеніями полноты часемой ими религіозно-философской истины. Поэтому Гиляровъ говорилъ, что Хомяковъ одностороненъ и неполонъ.

Наконецъ, мнѣніе людей, проникнутыхъ духомъ проповѣди Хомякова и открыто признавшихъ себя его учениками, можетъ быть выражено словами Самарина, который въ своемъ предисловіи къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова говоритъ: «Для людей безразлично равнодушныхъ къ вѣрѣ Хомяковъ былъ странный и смѣшной; для людей, оказывающихъ вѣрѣ свое высокое покровительство, онъ былъ невыносимъ, онъ беспокоилъ ихъ; для людей, сознательно и, по своему, добросовѣстно отвергающихъ вѣру, онъ былъ живымъ возраженіемъ, передъ которымъ они становились втупикъ; наконецъ, для людей, сохранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго религіознаго смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ и раздвоившихся душою, онъ

былъ своего рода эмансипаторомъ: онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій и возвращалъ имъ цѣльность религіознаго сознанія. Живые умы и воспріимчивыя души выносили изъ сближенія съ Хомяковымъ то убѣжденіе или, положимъ, хоть то ощущеніе, что истина живая и животворящая никогда не раскрывается передъ простою любознательностью, но всегда дается въ мѣру запроса совѣсти, ищущей вразумленія, и что въ этомъ случаѣ актъ умственнаго постиженія требуетъ подвига воли; что нѣтъ такой истины научной, которая бы не согласовалась или не должна была окончательно совпасть съ истинною повѣданною; что нѣтъ такого чувства или стремленія, въ нравственномъ отношеніи безукоризненнаго, нѣтъ такой разумной потребности, какого бы рода она ни была, отъ которыхъ бы мы должны были отказаться вопреки нашему сознанію и нашей совѣсти, чтобы купить успокоеніе въ лошѣ Церкви; словомъ, что можно вѣрить честно, добросовѣстно и свободно, что даже иначе какъ честно, добросовѣстно и свободно нельзя и вѣрить. Вотъ что уяснялъ, развивалъ, доказывалъ Хомяковъ своимъ могучимъ, неотразимымъ словомъ, и слову своему онъ самъ всѣмъ существомъ своимъ служилъ живымъ подтвержденіемъ и свидѣтельствомъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы назвали его эмансипаторомъ людей, расположенныхъ вѣрить, но запуганныхъ и смущенныхъ встрѣчею съ противорѣчіями, повидимому, неразрѣшимыми. Узнавъ его, они начинали дышать полною грудью, чувствуя себя какъ бы освобожденными въ своемъ религіозномъ сознаніи и какъ бы оправданными въ своемъ внутреннемъ протестѣ противу всѣхъ двуличныхъ и незаконныхъ (хотя подчасъ и соблазнительныхъ) сдѣлокъ съ тою примѣсю лжи, неправды и условности, которою застилается въ нашихъ понятіяхъ образъ Церкви».

Мы ограничиваемся здѣсь этими небольшими выписками, которыми Самаринъ опредѣляетъ собственно личное воздѣйствіе Хомякова на сближавшихся съ нимъ людей, и не приводимъ въ подробности взгляда Самарина на его значеніе, во первыхъ потому, что Самаринъ въ своемъ «Предисловіи» касается только одной (правда важнѣйшей) стороны дѣятельности Хомякова; во вторыхъ, и болѣе всего, потому, что «Предисловіе» само по себѣ такое цѣльное, сжатое и сильное произведеніе, которое необходимо прочесть цѣликомъ. Въ концѣ его Самаринъ называетъ Хомякова учителемъ Церкви и кончаетъ словами: «Называя его этимъ именемъ, мы хорошо знаемъ, что наши слова приняты будутъ одними за дерзкій вызовъ, другими за выраженіе слѣпаго пристрастія ученика къ учителю; первые на насъ вознегодуютъ, вторые насъ осмѣютъ. Все это мы напередъ знаемъ; но знаемъ и то,

что будущія поколѣнія будутъ дивиться не тому, что въ 1867 году кто-то рѣшился сказать это печатно и подписать свое имя, а тому, что было такое время, когда на это могла потребоваться хоть самая малая доля рѣшимости».

Такъ смотрѣли на Хомякова современники разныхъ оттѣнковъ мысли. Для насъ, для *потомства*, лишеннаго возможности оцѣнки непосредственной, значеніе Хомякова, какъ и всякаго мыслителя, можетъ выясниться лишь изъ сопоставленія его съ другими теченіями мысли, предшествовавшими и современными ему. Для этого прежде всего возобновимъ въ памяти основныя положенія, высказанныя Хомяковымъ и изложенныя нами, въ большинствѣ, его же словами, въ предыдущей части нашего изслѣдованія.

Въ исторіи религій, представляющей собою средоточіе и ключъ къ уразумѣнію всей жизни человѣчества, искони обозначаются два раздѣльныхъ, самобытныхъ и по существу противоположныхъ начала: начало духовной свободы, проявляющееся вѣрою въ личнаго, вѣ въ вещества стоящаго Бога и признающее міръ произведеніемъ Его творческой воли, и начало вещественной необходимости, въ области котораго Божество является лишь скрытымъ закономъ самого вещественнаго міра и хотя повидимому облекается въ личный образъ, но въ сущности не имѣетъ самостоятельнаго личнаго бытія и слѣдовательно не только не сотворило или не творитъ міръ, но само рабствуетъ міру. Миѳическій символъ его жизни и дѣятельности—рожденіе. Духъ, стремящійся и не могущій разорвать оковы вещества, слѣдовательно не властный достигъ свободы живой и дѣятельной, находитъ замѣну ея лишь въ самоуничтоженіи—въ небытіи. Сношеніе человѣка съ Божествомъ—не молитва, а заклинаніе.

Первое начало, присущее племенамъ Арійскимъ, всего же неприкосновеннѣе сохраненное пародамъ Еврейскимъ, получило свое совершеніе въ Христіанствѣ, воплотилось въ Церкви и живетъ въ народахъ, ее составляющихъ. Второе, изъ своей первой колыбели у племенъ Кушитскихъ или Хамидовъ, создавъ ихъ вещественное могущество и славу, съ паденіемъ ихъ царства проникло къ племенамъ Запада и, принявъ въ Римѣ образъ обоготвореннаго государства, примѣшалось тамъ къ Христіанству, исказило его и, согласно съ первоначальною своею двойственностью, произвело матеріально-утилитарное Латинство съ его церковью - государствомъ, съ его учетомъ грѣховъ и заслугъ, съ его заклинательною силою таинствъ, и философски - безразличное Протестантство съ его безформенностью, съ его одинокою личностью, разрѣшающееся въ полный скептицизмъ и невѣріе.

Послѣднее изъ великихъ племенъ, выступившихъ до сихъ поръ на историческое поприще, племя Славянское, отчасти по природнымъ своимъ свойствамъ, болѣе же всего подъ воздѣйствіемъ Православной вѣры Христовой, къ воспріятію коей оно повидимому было особенно предрасположено, проявило иныя бытовыя и общественныя начала, чѣмъ племена Западно-Европейскія, носившія въ себѣ одностороннее просвѣтительное начало Латинства и потому раньше достигшія вѣшняго могущества. Лицомъ къ лицу съ ними сталъ представитель Славянства, Русскій народъ, надолго остановленный въ своемъ вѣшнемъ развитіи гнетомъ бѣдствій, потомъ, въ лицѣ правящей своей части, уклонившійся отъ прямого пути и наконецъ начинающій вновь сознать свое призваніе. Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, ходъ мысли Хомякова.

Противоположность двухъ началъ (свободы и необходимости, духа и формы, единства внутренняго, живаго, и единства вѣшняго, условнаго) продолжаетъ стоять нынѣ, какъ стояла она тысячелѣтія тому назадъ; но она замѣтиѣ теперь, ибо человѣчество не даромъ прожило эти тысячелѣтія: мы можемъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что лишь смутно чуяли наши предки.

Въ отличіе отъ проявленій народной жизни, безконечно разнообразныхъ, но связанныхъ безчисленными, часто невидимыми намъ нитями, *сознаніе* народное есть дѣло отдѣльныхъ лицъ. И чѣмъ полнѣе жизнь народа, чѣмъ глубже ея источники, чѣмъ труднѣе переживаемая народомъ пора, чѣмъ сложнѣе и неуловимѣе ея признаки: тѣмъ мудренѣе задача выразителей народнаго самосознанія. Къ такому-то подвигу уразумѣнія и уясненія жизни великаго, но мало извѣданнаго въ немъ самомъ народа, въ пору совершающагося въ немъ историческаго перелома, былъ призванъ Хомяковъ. Въ отвѣтъ на вопросъ, *какъ* онъ совершилъ этотъ подвигъ, лежитъ оцѣнка его жизненнаго дѣла и заслуги его передъ потомствомъ.

Думая, говоря и дѣйствуя въ согласіи съ ходомъ основныхъ своихъ воззрѣній, вѣрнѣе, выводя свои воззрѣнія изъ всей цѣлости своего духовнаго существа при помощи своихъ всеобъемлющихъ научныхъ знаній, Хомяковъ несомнѣнно и точно опредѣляется въ своемъ отношеніи къ предшествовавшимъ и современнымъ ему явленіямъ и системамъ. Въ области вѣроученія, свободный ото всякой, даже самой ничтожной примѣси Западнаго раціоналистическаго воззрѣнія, стоя на незыблемой почвѣ яснаго и строгаго церковнаго преданія, онъ твердо и безповоротно опредѣлилъ объ разновидности Западнаго раскола —

Латинство и Протестантство, представляющія въ иной измѣненной, частью скрытой формѣ, все тѣже двѣ стороны древняго матеріальнаго просвѣщенія, котораго начало и постепенное развитіе Хомяковъ выяснилъ въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Онъ первый заговорилъ съ Западомъ голосомъ, въ которомъ не слышалось ни вражды, ни рабства, и лучшие люди на Западѣ оцѣнили нелицемѣрную прямоту и суровую искренность его рѣчи. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ былъ бы Хомяковъ понятъ тамъ раньше; но для своихъ соотечественниковъ онъ несомнѣнно явился какъ разъ въ время, когда занесенный къ намъ съ Запада рационализмъ выяснился и у насъ въ обоихъ своихъ видахъ: въ видѣ формализма во внѣшней жизни Церкви и въ видѣ скептическаго невѣрія, основаннаго въ большинствѣ случаевъ на поверхностномъ научномъ знаніи—въ обществѣ. Хомяковъ, выразивъ ясно и точно православную мысль, выступилъ разомъ противъ того и другаго. Принадлежа старой вѣрующей Руси цѣлностью внутренняго убѣжденія и современной наукѣ всестороннимъ образованіемъ, онъ первый ясно опредѣлилъ взаимное отношеніе обѣихъ областей. По складу ума и еще болѣе по свойству вопроса, богословская дѣятельность Хомякова носила характеръ положительной проповѣди; но необходимость борьбы съ ограниченностью и заблужденіемъ заставляла ее принимать отбѣнокъ полемическій. Личное положеніе Хомякова и ближайшихъ его сотрудниковъ особенно отчетливо опредѣляется отношеніемъ къ нимъ тѣхъ, кого задѣвали высказываемыя ими мысли. Это было въ однихъ—недовѣріе, смѣшанное съ какимъ-то изумленіемъ, въ другихъ—раздраженіе и вражда, скрываемаыя подъ личиною презрѣнія и насмѣшки.

Тоже самое повторялось и въ вопросахъ научныхъ и общественныхъ; но такъ какъ послѣдніе доступнѣе для образованнаго и полубразованнаго большинства, чѣмъ вопросы Вѣры, да и затрогиваютъ они интересы болѣе ощутимые и ходячіе, то здѣсь и недовѣріе, и вражда выступали рѣзче.

Отрицательная сторона Западнаго вліянія выразилась у насъ болѣе всего склонностью къ Западно-европейскимъ государственнымъ формамъ; но такъ какъ Западная мысль и практика со времени Петровой реформы принимались у насъ почти или вовсе безъ критики, то въ Россіи одновременно и, такъ сказать, равноправно явились обѣ Западно-европейскія политическія партіи — консервативная и либеральная. За отсутствіемъ аристократіи въ Западномъ смыслѣ слова и при бюрократическомъ строѣ администраціи, консерватизмъ нашъ былъ

также чисто-бюрократическій, а идею царской власти понималъ въ Западномъ смыслѣ внѣшняго народу абсолютизма; либерализмъ же цѣликомъ принялъ. Западное ученіе о государственной условности и пошелъ по знакомому пути, до революціонныхъ идей включительно. Такимъ образомъ какъ въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ наши Западники, за споромъ между Латинствомъ и Протестантствомъ, не могли разглядѣть Православія; такъ и въ области государственныхъ понятій они никакъ не могли отвлечься отъ Западнаго взгляда на вещи и, споря между собою изъ двухъ лагерей, часто горячо и искренно, не понимали, что исходная ихъ точка одна; что, какъ ни противоположны повидимому одинъ другому взгляды этихъ такъ называемыхъ консерваторовъ и либераловъ—они вполнѣ единодушны въ самомъ главномъ: въ полномъ непониманіи основъ Русской государственности. Славянофиламъ приходилось одновременно доказывать несостоятельность того и другаго направленія. Ихъ поочередно (а часто и заразъ, только по разнымъ вопросамъ) причисляли то къ тому, то къ другому лагерю, не понимая такой повидимому очевидной истины, что нельзя примѣнять къ оцѣнкѣ ученія мѣру, несоизмѣримую съ его основаніемъ.

Таково въ общихъ чертахъ было положеніе Славянофильства между современными ему общественными группами лицъ и мнѣній. Мы знаемъ, что кружокъ Славянофиловъ былъ очень немногочисленъ. При этомъ далеко не всѣ Славянофилы въ одинаковой мѣрѣ способствовали теоретической выработкѣ того, что въ цѣломъ можно назвать славянофильскимъ ученіемъ. Кромѣ Хомякова, существенно потрудились надъ нею: И. В. Кирѣевскій—опредѣленіемъ отношенія философіи къ Вѣрѣ и Западнаго просвѣщенія къ Русскому; К. С. Аксаковъ—выясненіемъ бытовыхъ и государственныхъ стихій Русской исторіи, и Ю. О. Самаринъ—изображеніемъ того процесса, коимъ, чрезъ воспріятіе раціоналистическаго начала, исказилось Латинство въ сферѣ нравственнаго ученія. Мы указываемъ здѣсь на главнѣйшія стороны самостоятельной дѣятельности этихъ людей какъ мыслителей, не говоря о ихъ разностороннихъ спеціальныхъ занятіяхъ и о широкой общественной дѣятельности послѣдняго, въ которой онъ соприкасался съ Кошелевымъ, княземъ Черкасскимъ и отчасти съ И. С. Аксаковымъ.

Мы видѣли, сколько въ каждой изъ этихъ областей поработалъ Хомяковъ; и, не входя въ сравнительную оцѣнку заслугъ каждаго изъ этихъ четырехъ незабвенныхъ дѣятелей Русскаго возрожденія, можемъ, кажется, на основаніи всего предыдущаго, высказать опредѣленное су-

женіе, что Хомяковъ объединилъ частныя области, въ которыхъ потрудились его друзья, и потому болѣе всѣхъ имѣетъ право на названіе творца славянофильскаго ученія, если, опять таки повторяемъ, принимать таковое какъ нѣчто отдѣльное отъ Православія вообще.

Вполнѣ самостоятельною областью Хомякова была исторія, вѣрнѣе православно-христіанская философія исторіи. Выработанныя имъ въ ней положенія и были тою основною и объединяющею нитью, которая связала также самостоятельные, но притомъ нѣсколько разрозненные выводы его сотрудниковъ.

Итакъ выясненіе противоположности съ одной стороны между просвѣщеніемъ духовнымъ, откровеннымъ и матеріальнымъ, разсудочнымъ, съ другой между бытовымъ складомъ Русскаго народа, давшимъ общину внизу и самодержавіе на верху, и Западнымъ строемъ, давшимъ аристократію, абсолютизмъ, условность государственную; установленіе очевидной связи между этими двумя порядками явленій, происходящими изъ одного источника; точное опредѣленіе основныхъ началъ Православія и Русской народности и въ подтвержденіе ихъ свидѣтельство цѣлой жизни: вотъ дѣло Хомякова.

Мы рассказали жизнь А. С. Хомякова, изложили его ученіе и высказали нашъ взглядъ на его историческую заслугу. Мы старались, по возможности, не теряться въ подробностяхъ, а ограничивались лишь самыми основными положеніями. Этимъ исчерпывается поставленная нами себѣ задача. Выполнивъ ее по мѣрѣ силъ, должно сказать лишь нѣсколько словъ о томъ, что живетъ послѣ старыхъ Славянофиловъ какъ прямое преданіе.

Со времени дѣятельности Хомякова прошло полвѣка; тридцать шесть лѣтъ минуло уже съ его смерти. Съ тѣхъ поръ многіе пошли за нимъ; многіе думаютъ, что идутъ за нимъ, или говорятъ это, не думая; многіе продолжаютъ идти тѣми двумя путями, отъ которыхъ предостерегалъ Русскихъ людей Хомяковъ. Мы не будемъ здѣсь говорить о современномъ положеніи болѣе или менѣе враждебныхъ Славянофильству партій, а ограничимся краткимъ указаніемъ на то, какъ понимаютъ свое теперешнее положеніе люди, считающіе себя послѣдователями Славянофиловъ. Не составляя сплоченной партіи не только политической (чего, по существу славянофильскихъ убѣжденій, и быть не можетъ), но даже литературной и общественной, люди эти тѣмъ не менѣе существуютъ, и существованія ихъ, при всемъ достающемся повидимому на ихъ долю со стороны обѣихъ офиціозно-признанныхъ партій снисходительномъ пре-

зрѣній, ни та, ни другая не отрицаетъ. Ихъ убѣжденія не измѣнились; слѣдовательно не измѣнились и ихъ задачи и цѣли.

Исповѣданіе откровеннаго Христіанства, соборнаго Православія, воздающаго Кесарево Кесареви и Божіе Богови въ области вѣроученія; развитіе самобытнаго народнаго ученія въ наукѣ и искусствѣ; охраненіе и утвержденіе исконныхъ началъ Русской исторіи (мірскаго устройства, основаннаго на добровольномъ подчиненіи личности общему мнѣнію и дѣлу) въ сферѣ общественной; единодушнаго съ народомъ и никакими сдѣлками не оговореннаго самодержавія въ сферѣ государственной: таковы эти убѣжденія. Имъ равно чужды какъ религіозное безразличіе, рабская подражательность, эгоизмъ личности и государственная условность, проповѣдуемая либералами, такъ и государственная церковность, громкій паѳосъ, бюрократическій гнетъ и полицейскій бездушный абсолютизмъ консерваторовъ. Борьба противоположныхъ началъ таже, какая была она полвѣка тому назадъ, когда жилъ и дѣйствовалъ Хомяковъ, таже, какая была во времена Вавилонскаго столпотворенія...

Но не въ борьбѣ цѣль тѣхъ, кто проникнется духомъ Хомякова. Мы вѣримъ и надѣемся, что время борьбы и полемики минуетъ. Жизнь Церкви, просвѣщеніе и ростъ человѣчества: вотъ поприще и цѣль всѣхъ, кому дорога истина. По этому единому, правому пути ведетъ насъ тотъ, чье имя поставлено въ заглавіи настоящей книги.

Путь этотъ труденъ, и не легко продолженіе дѣла Хомякова. Передъ смертью, быть можетъ въ предчувствіи ея, его любимый ученикъ, неутомимый труженикъ и боецъ, среди никогда не покидавшихъ его общественныхъ заботъ, писалъ: «Мысль бросить все и поднять съ земли нить размысленій, выпавшую изъ рукъ умиравшаго Хомякова *), меня много разъ занимала; но я сознаю слишкомъ глубоко, что до этой задачи я далеко не доросъ умственно и не подготовленъ душою; это главное». Въ этихъ предсмертныхъ словахъ Ю. О. Самарина слышится завѣтъ, съ которымъ послѣдній изъ сотрудниковъ Хомякова какъ бы обращается ко всѣмъ тѣмъ, кто пойдетъ за нимъ во слѣдъ его учителя. Слово этихъ никогда не слѣдуетъ забывать имъ. Какъ бы широки ни были познанія, какъ бы ни былъ смѣлъ полетъ мы-

*) Намекъ на предсмертное сочиненіе Хомякова (второе письмо о философіи къ Ю. О. Самарину). Мы упоминали о немъ выше въ разсказѣ о его жизни.

сли, этихъ познаній, этого полета еще недостаточно для уразумѣнія истины: оно требуетъ подвига и совершается лишь

... въ силу трезвенной смиренія
И обновленной чистоты.

Еще другое долженъ помнить идущій за Хомяковымъ, что онъ и его сотрудники не искали и не видали славы міра сего, и что не въ ней награда за подвигъ добра.

Счастлива мысль, которой не свѣтила
Людской молвы привѣтная весна.
Безвременно ридиться не снѣжила
Въ листы и цвѣтъ ея молодая сила,
Но корнемъ въ глубь врывалася она.

И ранними и поздними дождями
Вспосвная, внезапно къ небесамъ
Она взойдетъ, какъ ночь темна вѣтвями,
Какъ ночь въ звѣздахъ, усыпана цвѣтами —
Краса землѣ и будущимъ вѣкамъ *)

Валерій Лясковскій.

*) Стихи Хомякова о картинѣ Иванова.

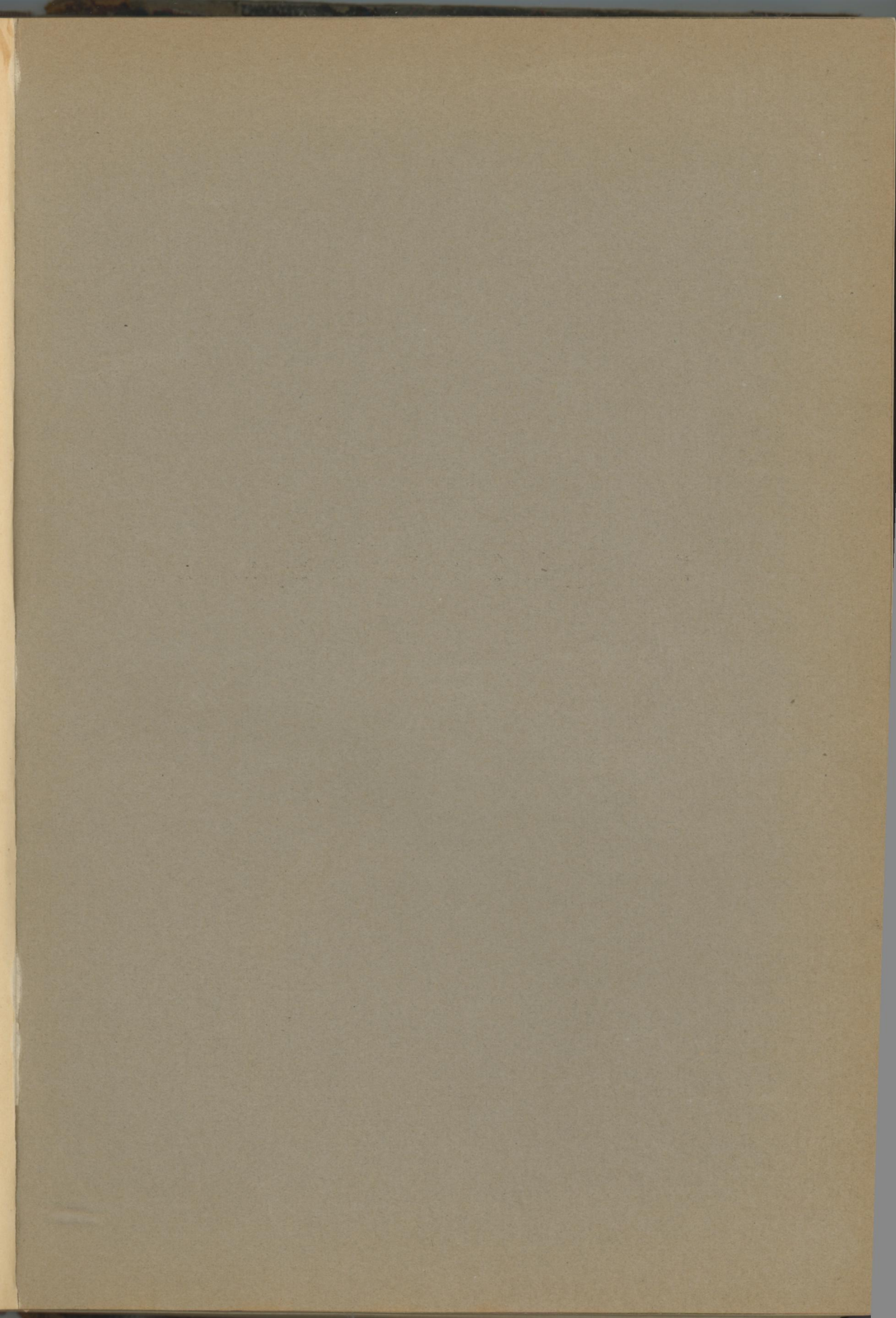
О П Е Ч А Т К И.

<i>Страницы.</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
1	21	стоята	стоить
2	29	ученомъ	ученомъ,
5	17	ходаковъ	ходоковъ
—	19	ходаки	ходоки
7	13	Александровна	Алексѣевна
8	17	словъ	слоѣ
11	24	томъ	этомъ
16	28	Боугарово	Боучарово
17	3	избранниковъ	избранниковъ.
22	34	Далеко	Глубоко
31	18	Сила въ насъ,	Сила въ насъ будетъ,
32	32	было	была
34	26	робкую	робкую,
36	8	работую	работою
—	16	необычной	необычайной
37	37	только позволять	только тогда позволять
39	14	насильничествомъ	гасильничествомъ
42	19	никакого пути быть не можетъ	никакого пути ни въ чемъ быть не можетъ
48	9	и на Лондонскую	а на Лондонскую
—	15	Боугаровъ	Боучаровъ
49	8	1855	1857
50	31	вѣсть	вѣсть
51	28	сестрѣ своей жены, покойной	сестрѣ покойной
53	29	гдѣ-то	когда-то
54	9	смущало не	смущало меня не
57	31	духа	духа.
61	21	правила	правило
62	11	же	жѣ
67	13	хлопотливой	кропотливой
—	34	рода	ряда
69	1	Исторія религій.	I. Исторія религій.
—	10	округа	круга
—	17	Вѣра	(Къ Сербамъ). Вѣра
71	12	пришли	пришло
72	35	развивалось въ страстномъ	развивалось въ двухъ ви- дахъ, въ страстномъ
73	12	шли	шло
74	2	къ душѣ	въ душѣ
76	2	возвратиться	возвращаться
—	18	высшее,	высшее и
81	31	Образованная	Обрадованная

90	1	Церковь.
		II.
92	1	Церкви—
94	12	хитрить и
96	1	телѣсныхъ
97	10	раздора
99	40	мыслится или чувствуется
100	11	пророка
—	20	человѣческо
101	30	настройки
111	31	высшихъ
115	34	понктій
117	8	вина,
118	7	предназначено
—	25	II, 332. Выступающа...
		... мысли. Если
121	38	вѣрою
125	37	судьба.
127	3	словомъ,
—	14	разумъ
129	19	VIII.
		Славянство.--Древнее разсе-
		лѣніе
—	23	Она составляла
130	1	сходствомъ
—	—	Санскритскаго
—	29	—
131	32	понять
—	36	религіознымъ
133	27	далеко
—	31	Славянства, присущія
140	38	водвореніемъ
148	17	отыскать
151	36	въ
152	32	при Волжскихъ,
153	7	есть
—	29	I, 732. Здѣсь....
156	36	художественнымъ,
157	35	большой
—	40	объдѣли
160	6	послѣднему
165	14	избѣгать.
170	33	царства
175	5	ученія
—	21	этому единому, правому
—	23	труденъ, и не легко
—	33	никогда не слѣдуетъ забывать
		имъ.
176	5	Хомяковымъ,

II.
Церковь.
Церкви.—
хитрить и не
тѣлесныхъ
раздора,
мыслится и чувствуется
пророка,
человѣческое
надстройки
высшимъ
понятій
вина),
предназначена
Выступающа...
... мысли. II, 332. Если
мѣрою
судьба,
слово
разгуль
VIII.
Славянство.
Древнее разселеніе
IV, 38. Она составляла
сродствомъ
Санскритскаго
—
понять
религіозныхъ
далеки
Славянства присущи
водвореніемъ,
отыскивать
къ
при-Волжскихъ
суть
Здѣсь.... слѣдующее (I, 732):
„общество
художественнымъ
большей
объдѣли
послѣдующему
избѣгать.—
царствъ
генія
этому, единому правому,
труденъ; не легко
имъ никогда не слѣдуетъ за-
бывать.
Хомяковымъ:

Цѣна 1 рубль 25 копѣекъ съ пересылкою.